

УДК 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/37/14

А.А. Ефанов

ЭПИДЕМИЯ ВИЧ: СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ НОВАЯ МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА? (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ)

Рассматриваются стратегии освещения проблемы распространения ВИЧ в федеральном и региональном медиапространстве. Соотносятся статистические данные с медиакартиной отражения данной социальной проблемы, на основании чего автор приходит к выводу о попытке инспирирования моральной паники.

Ключевые слова: ВИЧ, эпидемия, социальная проблема, моральная паника, СМИ.

2016 год ознаменовал собой очередной этап затянувшегося общественно-го кризиса [1, 2, 3]. Экономическая неустойчивость и напряженность на международной политической арене обуславливали падение общего уровня социальной стабильности, проявляющееся в размывании ценностно-нормативных границ современного общества, продуцировании аномичного состояния индивидов – неуверенности в завтрашнем дне, – тем самым предоставляя медиаконтролерам возможности для выстраивания манипулятивных схем. Моральные паники являются наиболее массовой формой аффективных реакций, «объединенных общим либо сходным проблематизируемым условием как угрозой разрушения устойчивой системы нравственных норм и духовных ценностей» [4. С. 55].

Социологический подход к исследованию моральной паники впервые был предложен в 1971 году представителем британской школы Дж. Янгом в работе «Роль полиции в процессе усиления девиации» [5]. В качестве моральной паники ученый обозначил «процесс массовой истерии» по поводу ряда девиаций. Дальнейшая концептуализация понятия «моральная паника» осуществлялась в трудах С. Коэна [6], К. Томпсона [7], С. Холла [8], в которых рассматривались способы конструирования негативных социальных явлений, а также влияние СМИ на массовое сознание. Н. Бен-Йехуда, Э. Гуд [9], в свою очередь, акцентировали внимание на атрибутивных свойствах моральной паники и заинтересованности в них политических элит. Моральные паники как отдельное социальное явление, инспирируемое посредством медиа, изучали Х. Бернс [10], М. Вуд, М. Флиндерс [11], К. Герти, Д. Даунс, П. Рок, К. Чинкин [12], Ч. Критчер [13], А. Марш, Г. Мэлвилл [14], С. Райт, А. Рохлофф [15], К. Томпсон [16].

Российские ученые обратились к проблеме моральных паник лишь в начале 1990-х годов. В пространстве отечественной эмпирической социологии моральные паники рассматривались относительно ряда явлений:

– молодежных субкультур (У.А. Блюдина [17], Д.В. Громов [18], Е.Э. Еникеева [19], М.И. Колесникова [20], Р.П. Лисеев [21], С.Н. Майорова-

Щеглова [22], А.С. Макаров [23], Е.Л. Омельченко [24], А.О. Райхштат [25], А.М. Рюмин [26], В.Н. Ярская-Смирнова [27]);

- преступности (Я.И. Гишинский [28], Н.Г. Щитов [29]);
- наркотизма (А.В. Дмитриева [30], П.А. Мейлахс [31]);
- заболеваемости ВИЧ / СПИДом (И.Г. Ясавеев [32]).

В частности, занимаясь предметным изучением проблемы распространения ВИЧ в 1990–2000-е годы, И.Г. Ясавеев приходит к выводу о снижении медиа-интереса к данному явлению по причине несоответствия принципам отбора новостей: «ВИЧ / СПИД не является интересным, необычным и даже значимым для российских СМК событием, происшедшим за последние 24 часа. ВИЧ распространяется постоянно, изо дня в день, не обладая событийностью, драматичностью, динамизмом, новизной, соответствием интересам властвующей элиты, необходимыми для того, чтобы эпидемиологическая ситуация была “новостью”» [32. С. 188].

Принципиально иная картина наблюдалась в 2016 г., когда медиаконтролеры, представив проблему распространения ВИЧ как эпидемию, предприняли попытку конструирования моральной паники. Используя инструменты символизации и гиперболизации, журналисты усложнили знакомое обществу явление, интерпретировав его как предтечу социальной катастрофы. Таким образом, эпидемия ВИЧ стала основой для продуцирования моральной паники второго порядка, культивируемой на «социальной почве, заранее подготовленной предшествующей волной прецедентов социальной действительности» [4. С. 13].

Предметом рассмотрения настоящего исследования являются стратегии освещения проблемы распространения ВИЧ в федеральном и региональном медиапространстве. За основу были взяты материалы информационных программ федеральных («Новости», «Время» – Первый канал); «Новости» – LIFE), региональных телеканалов («Вести Оренбуржья» – ГТРК «Оренбург»); «Наше время» – ТРК «ТК-Регион») и «посты» пользователей социальных сетей («Facebook»). Используются методы количественного контент-анализа и дискурс-анализа. Контент-анализ построен на фиксировании маркеров: ВИЧ, эпидемия, Оренбургская область. Хронологические рамки исследования: ноябрь – декабрь 2016 г.

Так, «отправной точкой» для инспирирования моральной паники стало сообщение 2 ноября 2016 г. о том, что в Екатеринбурге объявлена эпидемия ВИЧ. Журналисты LIFE одними из первых обнародовали данную информацию: *«Первый замначальника Управления здравоохранения Екатеринбурга Татьяна Савинова сообщила о пандемии вируса иммунодефицита в уральской столице. По ее словам, заболевание прочно укоренилось во всех слоях населения города, и распространение болезни уже не зависит от групп риска. <...> Всего, по словам Савиновой, в Екатеринбурге зарегистрировано 26 693 случая ВИЧ-инфекции, однако сюда входят только официально известные случаи, поэтому реальная заболеваемость гораздо выше»* (LIFE, 2.11.2016).

Снискав большую популярность в Интернете, телеканал быстро распространил данное сообщение на своих страницах в социальных сетях. Только в «Facebook» (рис. 1) было зафиксировано 1292 репоста, что сопровождалось

комментариями пользователей: «Почему от нас это скрывали?!» (Игорь ***); «Понятно, что нашим чиновникам нет до этого дела» (Сергей ***); «ВИЧ среди нас...» (Ольга ***); «Эпидемия, от которой не спасись» (Ирина ***).

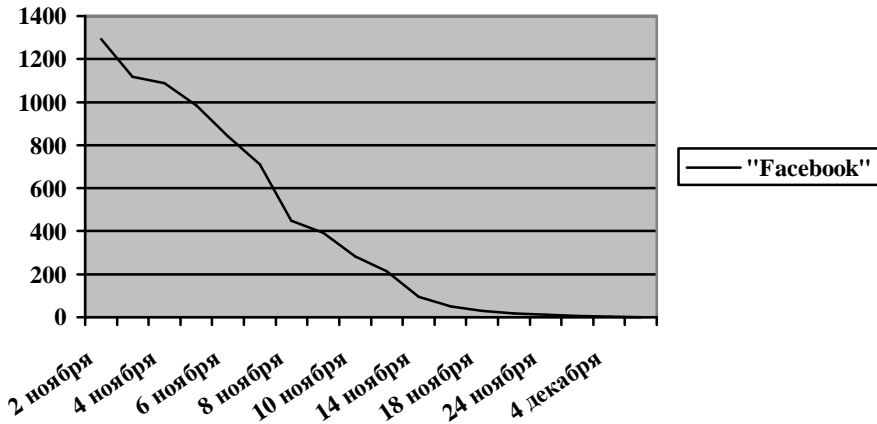


Рис. 1. Динамика публикационной активности пользователей сети «Facebook» на тему распространения ВИЧ

Что касается стратегии освещения проблемы распространения ВИЧ со стороны Первого канала (рис. 2), его журналисты, напротив, попытались сдерживать моральную панику: «Как выяснилось, слово «эпидемия» действительно звучало, но такой термин медики используют согласно рекомендации Всемирной организации здравоохранения, когда порог заболеваемости превышает 1 % населения, что как раз зафиксировано в Екатеринбурге. Большинство случаев – среди наркоманов» (Первый канал, 2.11.2016). Как и репортеры LIFE, корреспонденты Первого канала давали комментарий первого заместителя начальника Управления здравоохранения г. Екатеринбурга Татьяны Савиновой, но с кодом «разъяснение»: «У нас сложная ситуация с заболеваемостью, инфицировано 27 тысяч человек, это 1,8 %. Эта стадия характеризуется как генерализованная эпидемия. Безусловно, никакое начало эпидемии не объявлялось, прозвучала формулировка» (Первый канал, 2.11.2016).

В дальнейшем в эфире Первого канала выходили материалы, также направленные на сдерживание моральной паники, популяризирующие необходимость профилактики ВИЧ: «Сообщения об угрозе ВИЧ-эпидемии в Екатеринбурге напомнили о необходимости информирования и профилактики» (Первый канал, 3.11.2016); «В России стартует акция «Стоп ВИЧ/СПИД» (Первый канал, 28.11.2016); «В Москве проходит форум для специалистов по профилактике и лечению ВИЧ/СПИДа» (Первый канал, 28.11.2016); «Во Владивостоке студентам университета рассказали о СПИДе и дали возможность сдать экспресс-анализ» (Первый канал, 29.11.2016); «Тысячи студентов московских вузов пришли в мобильные пункты, чтобы проверить свой

ВИЧ-статус» (Первый канал, 30.11.2016); «Как защититься от ВИЧ-инфекции, обсуждали на Всероссийском открытом уроке для студентов и школьников» (Первый канал, 2.12.2016).

В свою очередь, репортеры LIFE (рис. 2), придерживаясь стратегии инспирирования моральной паники, в своих материалах делали акцент на масштабное распространение ВИЧ в пределах всей страны: «Петербург приближается к эпидемиологическому порогу по ВИЧ» (LIFE, 2.11.2016); «В Самаре и Тольятти ситуация с ВИЧ хуже, чем в Екатеринбурге» (LIFE, 2.11.2016); «Россия на грани перехода к третьей стадии эпидемии ВИЧ» (LIFE, 10.11.2016); «В 10 регионах РФ зафиксирован критический уровень ВИЧ» (LIFE, 10.11.2016); «С начала года жертвами ВИЧ стали 20 тысяч россиян» (LIFE, 1.12.2016).

При этом (в отличие от Первого канала) журналисты LIFE исключали из медиа-повестки материалы на тему профилактики ВИЧ (несмотря на то, что было несколько информационных поводов: акция «Стоп ВИЧ/СПИД», Всероссийские открытые уроки для школьников и студентов и проч.), тем самым пытаясь сформировать в сознании аудитории представление о глобальности эпидемии, от которой спастись якобы не удастся никому.

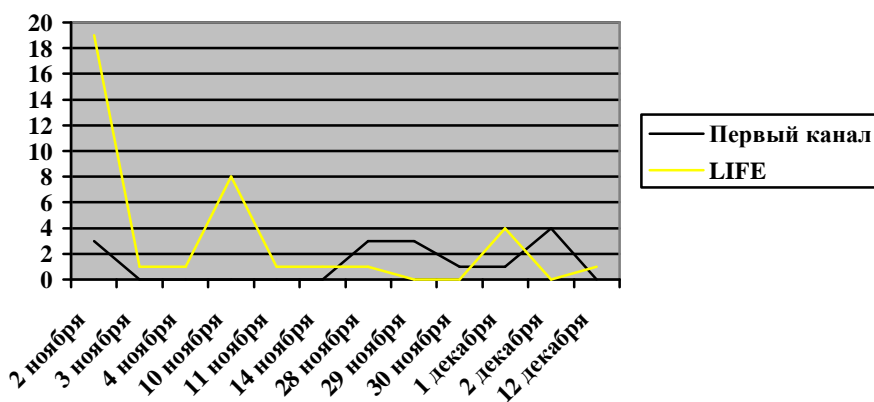


Рис. 2. Динамика освещения проблемы ВИЧ в эфире федеральных телеканалов

Как показали результаты контент-анализа, наибольшее количество материалов (19) зафиксировано в эфире LIFE именно в день обнародования информации об эпидемии ВИЧ с кодом «сенсация» (2.11.2016). Впоследствии наблюдается спад медиа-интереса к данному явлению. Просчет журналистов отдельной телекомпании при конструировании моральной паники можно объяснить с точки зрения отсутствия медиатандема – поддержки «нескольких СМИ, которые распространяют одинаковую либо близкую по содержанию информацию, тем самым подтверждая ее условную легитимность» [4. С. 134]. В противном случае стратегия медиаконтролеров признается ошибочной и неэффективной, что может впоследствии привести к утрате «кредита доверия» к каналу СМИ со стороны аудитории.

Если рассматривать стратегии освещения эпидемии ВИЧ в региональном медиапространстве (рис. 3), можно заметить, что оренбургские телеканалы включили данную тему в «повестку дня» только 10.11.2016 (на неделю позднее, чем федеральные СМИ). Поводом стало заявление министра здравоохранения России В. Скворцовой о том, что в 10 регионах зафиксирован повышенный уровень распространения ВИЧ. Оренбургская область в данном рейтинге заняла пятое место (инфицировано 1,4% населения [33]). При этом в сообщении уточняется, что данная проблема не является сенсационной и спонтанно возникшей, объясняется географическим расположением региона и соседством с Казахстаном, из которого проходит наркотрафик.

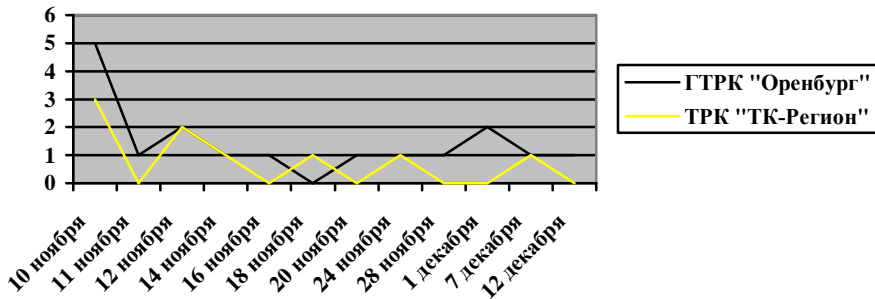


Рис. 3. Динамика освещения проблемы ВИЧ в эфире региональных телеканалов

Оренбургские телеканалы следовали стратегии сдерживания моральной паники, сфокусировав внимание на мерах профилактики заболевания. Кроме того, корреспонденты ГТРК «Оренбург» подготовили серию материалов, направленных на адаптацию ВИЧ-инфицированных в обществе: история о Евгении, которая заразилась при переливании крови (ГТРК «Оренбург», 13.11.2016); акция «У меня ВИЧ – обними меня», в рамках которой люди, имеющие ВИЧ-положительный статус, выходили с транспарантами на главную улицу города, приглашая прохожих обнять их. При этом журналисты сделали важное уточнение: «Молодежь охотно на это откликалась. Но люди старшего возраста на объятия соглашались не всегда» (ГТРК «Оренбург», 1.12.2016). Реакции фобии и стигматизации вследствие стереотипного мышления в большей степени присущи представителям старшего поколения (возможно, ввиду их малой информированности о путях заражения, в том числе через СМИ).

По итогам проведенного исследования делается вывод о существовании двух медиастратегий: инспирирования моральной паники (тенденциозность освещения проблемы, использование инструментов символизации и гиперболизации, акцент на реальных и потенциальных жертвах) и ее сдерживания (предоставление статистических данных, комментарии экспертов о возможностях выхода из сложившейся ситуации, просвещение аудитории в вопросах профилактики). Пример конструирования моральной паники в отношении эпидемии ВИЧ со стороны LIFE продемонстрировал ошибочность выбранной стратегии, поскольку из-за отсутствия медиатандема данное явление не вы-

звало долгосрочные аффективные реакции в социальной среде. Остальные федеральные телеканалы популяризировали необходимость профилактики ВИЧ. Риторика региональных телеканалов полностью соответствовала стратегии основных федеральных СМИ и была направлена на адаптацию ВИЧ-инфицированных в социуме.

Таким образом, распространение ВИЧ в российских городах, достигшее критического уровня в 2016 году (официальные данные Министерства здравоохранения Российской Федерации), квалифицировано как реальная социальная проблема, требующая консолидированного решения общества и государства. Конструктивными последствиями освещения данной проблемы со стороны федеральных и региональных СМИ можно считать повышение индекса общественной информированности и осведомленности – россияне стали интересоваться своим ВИЧ-статусом (только на Урале количество прошедших тест на ВИЧ увеличилось на 3% [34]), – а также выстраивание социальной политики, направленной на поддержку больных ВИЧ (создание Единого реестра ВИЧ-инфицированных для адресного лечения [35], снижение стоимости антиретровирусных препаратов в 17,5 раз [36]).

Литература

1. Молодов О.Б. Масс-медиа в ракурсе общественного мнения в условиях кризиса // Социальное пространство. 2016. № 2 (4). С. 1–13.
2. Сухов А.Н. Феномен современного общественного кризиса: сущность и особенности проявления // Человеческий капитал. 2016. № 6 (90). С. 6–8.
3. Тянь В.В. Альтернативные модели политической власти в период общественного кризиса // Теоретические и прикладные аспекты политической науки. 2014. № 5–4. С. 249–260.
4. Ефанов А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений: дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016. 179 с.
5. Young J. The Role of the Police as Amplifiers of Deviance // Images of Deviance. Ed. by S. Cohen. L.: Penguin Books, 1971. P. 27–61.
6. Cohen S. Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers. London: Routledge, 2011. 282 p.
7. Thompson K. Moral panics. London: Routledge, 1998. 165 p.
8. Hall S. Policing the Crisis: Mugging, The State, and Law and Order. London: Macmillan, 1978. 248 p.
9. Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: the social construction of deviance. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 299 p.
10. Burns H. What are «moral panics»? // Ipce.info, 2000. URL: <http://www.ipce.info/library/web-article/what-are-moral-panics> (дата обращения: 12.09.2013).
11. Wood M., Flinders M. From Folk Devils to Folk Heroes: Rethinking the Theory of Moral Panics. London: Brunel University, 2012. 26 p.
12. Crime, Social Control and Human Rights. From moral panics to states of denial: Essays in honour of Stanley Cohen / Ed. by D. Downes, P. Rock, C. Chinkin and C. Gearty. London: Willan Publishing, 2007. 452 p.
13. Crutcher C. Moral Panics and the Media. Berkshire: Open University Press, 2003. 207 p.
14. Marsh I., Melville G. Moral Panics and the British Media – a look at some contemporary «Folk Devils» // Internet Journal of Criminology. 2011. URL: http://www.internetjournalofcriminology.com/Marsh_Melville_Moral_Panics_and_the_British_Media_March_2011.pdf (дата обращения: 17.04.2014).
15. Rohloff A., Wright S. Moral panic and social theory: Beyond the heuristic // Current Sociology. 2010. № 58 (3). P. 403–419.
16. Thompson K. Moral panics. London: Routledge, 1998. 165 p.
17. Блюдина У.А. Молодежные культуры, масс-медиа и феномен «моральных паник» // Другое поле. Социологические практики / под ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Первильева. Улья-

новск: Изд-во Государственного научного учреждения «Средневожский научный центр», 2000. 364 с.

18. Громов Д.В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 164–178.

19. Еникеева Е.Э. Механизм формирования моральных паник в современном обществе и роль СМИ в этом процессе // Наука и современность. 2010. № 6. С. 14–18.

20. Колесникова М.И. Российская молодежь 60-х и 90-х: сравнительный анализ моделей интеграции в общество: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2006. 174 с.

21. Лисеев Р.П. Молодежный журнал как субкультурный феномен: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 188 с.

22. Майорова-Щеглова С.Н. Новые информационные технологии и молодое поколение: нет моральным паникам! // Интеллигенция в мире современных коммуникаций: сб. статей / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2009. С. 254–259.

23. Макаров А.С. Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2007. 186 с.

24. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. 262 с.

25. Райхитат А.О. Молодежные субкультуры в российском обществе: теоретические подходы и современные практики: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2006. 170 с.

26. Рюмин А.М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2012. 148 с.

27. Ярская-Смирнова В.Н. Социальная инклюзия в молодежной политике // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 1. С. 63–73.

28. Гилинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 3. С. 5–14.

29. Щитов Н.Г. Карательная тенденция в современной пенитенциарной политике США // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 156–165.

30. Дмитриева А.В. Роль потребления наркотиков в структуризации социальных отношений: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012. 310 с.

31. Мейлахс П.А. Опасности моральной паники по поводу наркотиков // Credo new. 2003. № 1. С. 216–233.

32. Ясавеев И.Г. Социальные проблемы и медиа: конструкционистское прочтение. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 236 с.

33. Критический уровень ВИЧ зафиксирован в 10 регионах России // ТАСС информационное агентство, 2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3773145> (дата обращения: 17.12.2016).

34. Количество прошедших тест на ВИЧ на Урале за год увеличилось на 3 % // ТАСС информационное агентство, 2016. URL: <http://tass.ru/ural-news/3830942> (дата обращения: 17.12.2016).

35. В России начнет работать реестр ВИЧ-инфицированных с 2017 года // МИА «Россия сегодня», 2017. URL: <https://ria.ru/society/20170101/1485049072.html> (дата обращения: 15.01.2017).

36. Скворцова рассказала о закупках препаратов против ВИЧ // МИА «Россия сегодня», 2017. URL: <https://ria.ru/society/20170113/1485677714.html> (дата обращения: 15.01.2017).

Efanov Alexandr A. Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation).

E-mail: yefanoff_91@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/37/14

THE HIV EPIDEMIC: A SOCIAL PROBLEM OR A NEW MORAL PANIC? (SOCIOLOGICAL INTERPRETATION)

Key words: *HIV, epidemic, social problem, moral panic, mass media.*

2016 marked the next phase of the protracted social crisis. Economic instability and tension in the international political arena ensured the maintenance of affective reactions in the social environment, thereby providing opportunities for media controllers to build manipulative schemes. The most widespread form of affective reactions is moral panics.

In 2016 media controllers made an attempt to construct a moral panic, presenting the problem of HIV spread as an epidemic. Using the tools of symbolization and exaggeration, journalists complicated

the phenomenon familiar to the public, interpreting it as a forerunner of a social catastrophe. Thus, the HIV epidemic has become the basis for the production of the second-order moral panic, cultivated on social grounds, prearranged by a prior wave of the events of social reality.

According to the results of the study it is concluded that there are two media strategies: inspiring moral panic and its containment. The example of constructing a moral panic concerning the HIV epidemic by LIFE has demonstrated the fallacy of the chosen strategy, since due to the lack of media tandem this phenomenon has not caused long-term affective reactions in the social environment. The main federal channels (for example, First Channel) promoted the need for HIV prevention. The rhetoric of regional channels (STRC "Orenburg", TRK "TC-Region") corresponded fully to the strategy of the federal mass media and was focused on the adaptation of HIV-infected people in the society.

To conclude, the spread of HIV in Russian cities has reached a critical level in 2016 and it has been defined as a real social problem that requires consolidated solutions on the part of the society and the state. The increase of public awareness and knowledge – millions of people across the country get interested in their HIV status (only in the Urals the number of people who tested for HIV has increased by 3%) can be considered as a constructive consequence of this problem coverage by federal and regional mass media.

References

1. Molodov, O.B. (2016) Mass media from the perspective of public opinion amid the crisis. *Sotsial'noe prostranstvo – Social Area*. 2(4). pp. 1–13. (In Russian).
2. Sukhov, A.N. (2016) Fenomen sovremennogo obshchestvennogo krizisa: sushchnost' i osobennosti proyavleniya [Phenomenon of the modern social crisis: The essence and features of manifestation]. *Chelovecheskiy kapital i professional'noe obrazovanie – Human Capital and Professional Education*. 6(90). pp. 6–8.
3. Tyan, V.V. (2014) Al'ternativnye modeli politicheskoy vlasti v period obshchestvennogo krizisa [Alternative models of political power in the period of social crisis]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty politicheskoy nauki*. 5–4. pp. 249–260.
4. Efanov, A.A. (2016) *Moral'nye paniki kak faktor sotsial'nykh izmeneniy* [Moral panic as a factor of social change]. Sociology Cand. Diss. Saransk.
5. Young, J. (1971) The Role of the Police as Amplifiers of Deviance. In: Cohen, S. (ed.) *Images of Deviance*. London: Penguin Books. pp. 27–61.
6. Cohen, S. (2011) *Folk devils and moral panics: The creation of the Mods and Rockers*. London: Routledge.
7. Thompson, K. (1998) *Moral panics*. London: Routledge.
8. Hall, S. (1978) *Policing the Crisis: Mugging, The State, and Law and Order*. London: Macmillan.
9. Goode, E. & Ben-Yehuda, N. (2009) *Moral panics: the social construction of deviance*. Oxford: Wiley-Blackwell.
10. Burns, H. (2000) *What are "moral panics"?* [Online] Available from: <http://www.ipce.info/library/web-article/what-are-moral-panics>. (Accessed: 12th September 2013).
11. Wood, M. & Flinders, M. (2012) *From Folk Devils to Folk Heroes: Rethinking the Theory of Moral Panics*. London: Brunel University.
12. Downes, D., Rock, P., Chinkin, C. & Gearty, C. (eds) (2007) *Crime, Social Control and Human Rights. From moral panics to states of denial: Essays in honour of Stanley Cohen*. London: Wilan Publishing.
13. Critcher, C. (2003) *Moral Panics and the Media*. Berkshire: Open University Press.
14. Marsh, I. & Melville, G. (2011) Moral Panics and the British Media – a look at some contemporary "Folk Devils". *Internet Journal of Criminology*. [Online] Available from: http://www.internetjournalofcriminology.com/Marsh_Melville_Moral_Panics_and_the_British_Media_March_2011.pdf. (Accessed: 17th April 2014).
15. Rohloff, A. & Wright, S. (2010) Moral panic and social theory: Beyond the heuristic. *Current Sociology*. 58(3). pp. 403–419. DOI: 10.1177/0011392110364039
16. Thompson, K. (1998) *Moral panics*. London: Routledge.
17. Blyudina, U.A. (2000) Molodezhnye kul'tury, mass-media i fenomen "moral'nykh panic" [Youth culture, mass media and the phenomenon of "moral panic"]. In: Omelchenko, E.L. & Per-

vilyev, S.A. (eds) *Drugoe pole. Sotsiologicheskie praktiki* [Another field. Sociological practices]. Ul'yanovsk: Srednevolzhskiy nauchnyy tsentr.

18. Gromov, D.V. (2012) "Moral'naya panika" kak mekhanizm razvitiya ryada molodezhnykh soobshchestv Sovetskogo Soyuza i Rossii ["Moral panic" as a mechanism for the development of a number of youth communities in the Soviet Union and Russia]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii – Historical Psychology and Sociology*. 1. pp. 164–178.

19. Enikeeva, E.E. (2010) Mekhanizm formirovaniya moral'nykh panik v sovremennom obshchestve i rol' SMI v etom protsesse [The mechanism of formation of moral panics in modern society and the role of the media in this process]. *Nauka i sovremennost'*. 6. pp. 14–18.

20. Kolesnikova, M.I. (2006) *Rossiyskaya molodezh' 60-kh i 90-kh: sravnitel'nyy analiz modeley integratsii v obshchestvo* [Russian youth of the 1960s and 1990s: A comparative analysis of models of integration into society]. Sociology Cand. Diss. Rostov on Don.

21. Liseev, R.P. (2005) *Molodezhnyy zhurnal kak subkul'turnyy fenomen* [Youth magazine as a subcultural phenomenon]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

22. Mayorova-Shcheglova, S.N. (2009) Novye informatsionnye tekhnologii i molodoe pokolenie: net moral'nym panikam! [New information technologies and the younger generation: Say no to moral panic!]. In: Toshchenko, Zh.T. (ed.) *Intelligentsiya v mire sovremennykh kommunikatsiy* [Intelligentsia in the world of modern communications]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 254–259.

23. Makarov, A.S. (2007) *Konstruirovaniye sotsial'noy problemy podrostkovoy delinkvetnosti v pechatnykh izdaniyakh Respubliki Tatarstan* [The construction of the social problem of teenage delinquency in the printed publications of the Republic of Tatarstan]. Sociology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

24. Omelchenko, E.L. (2000) *Molodezhnye kul'tury i subkul'tury* [Youth cultures and subcultures]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.

25. Raichstat, A.O. (2006) *Molodezhnye subkul'tury v rossiyskom obshchestve: teoreticheskie podkhody i sovremennye praktiki* [Youth subcultures in Russian society: theoretical approaches and modern practices]. Sociology Cand. Diss.

26. Ryumin, A.M. (2012) *Sovremennyye stereotipy o Rossii v massovom soznanii zhitel'ey stran Zapada* [Modern stereotypes about Russia in the Western mass consciousness]. Sociology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

27. Yarskaya-Smirnova, V.N. (2010) Sotsial'naya inkluziya v molodezhnoy politike [Social inclusion in youth policy]. *Povolzhskiy torgovo-ekonomicheskyy zhurnal*. 1. pp. 63–73.

28. Gilinskiy, Ya.I. (2012) Current trends of the world criminology. *Kriminologicheskyy zhurnal BGUEP*. 3. pp. 5–14. (In Russian).

29. Shchitov, N.G. (2014) Retributive trend in current penal policy of the USA. *Vserossiyskiy kriminologicheskyy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 3. pp. 156–165. (In Russian).

30. Dmitrieva, A.V. (2012) *Rol' potrebleniya narkotikov v struktural'skoy sotsial'nykh otnošeniy* [The role of drug use in the structure of social relations]. Sociology Cand. Diss. St. Petersburg.

31. Meylakhs, P.A. (2003) Opasnosti moral'noy paniki po povodu narkotikov [The dangers of moral panic about drugs]. *Credo new*. 1. pp. 216–233.

32. Yasaveev, I.G. (2010) *Sotsial'nyye problemy i media: konstruksionistskoe prochtenie* [Social problems and media: constructional reading]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

33. TASS News Agency. (2016a) *Kriticheskiy uroven' VICH zafiksirovann v 10 regionakh Rossii* [The critical level of HIV is recorded in 10 regions of Russia]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/3773145>. (Accessed: 17th December 2016).

34. TASS News Agency. (2016b) *Kolichestvo proshedshikh test na VICH na Urale za god uvelichilos' na 3 %* [The number of people tested for HIV in the Urals increased by 3% during the year]. [Online] Available from: <http://tass.ru/ural-news/3830942>. (Accessed: 17th December 2016).

35. MIA "Russia Today". (2017a) *V Rossii nachnet rabotat' reestr VICH-infitsirovannykh s 2017 goda* [A register of HIV-infected people will start working in Russia in 2017]. [Online] Available from: <https://ria.ru/society/20170101/1485049072.html>. (Accessed: 15th January 2017).

36. MIA "Russia Today". (2017b) *Skvortsova rasskazala o zakupkakh preparatov protiv VICH* [Skvortsova tells about the purchase of anti-HIV drugs]. [Online] Available from: <https://ria.ru/society/20170113/1485677714.html>. (Accessed: 15th January 2017).